

Терезе и Джанет

Пролог

Надвигалась полночь, по Лесу Висельника бежали две девочки, отчаянно пытаясь выбраться. Каждый их шаг громко отдавался в удушливой тьме, и с каждым шагом приближался колдовской час — время, когда переплетаются мир людей и царство фейри.

Девочка помладше, с темными волосами, бежала из последних сил. Если не успеть и остаться в лесу, то в момент соединения двух миров хитрость и обман сделают свое дело и она перенесется в царство фейри.

Вторая, долговязая и похожая на мальчика, опережала первую, ее зеленые глаза упорно искали просвет, который указал бы, что лес скоро закончится. Она бежала, а из порезов на ладонях капала кровь — руки жгло и ломило. Всего несколько минут назад она изрезала их, освобождая свою связанную спутницу.

Они продирались сквозь чащу, бежали со всех ног по древесным корням, по коврику из листьев, устилающему землю. В воздухе скользили и устремлялись вниз диковинные существа — фейри ждали момента, когда первая девочка окажется у них. Проступающие на узловатой коре деревьев лица шевелились и звали. Время иссякало, а лес все не кончался и опушка так и не проглядывала.

Обе уже задохнулись, но выбора не было: только упорно двигаться вперед. И все-таки настал миг, когда неотвратимое приблизилось вплотную.

— Пстой, — пробормотала та, что поменьше, замедляя шаг.

— Нельзя останавливаться! — шикнула другая. — Бежим! Я сказала, БЕЖИМ!

Но темноволосая остановилась и стала оседать, закрыв глаза и зажав уши, чтобы заглушить шум, который слышала только она.

— Вставай! — настаивала вторая. — Таня, нельзя сейчас останавливаться — вставай!

Но Таня была слишком слаба, она тяжело опустилась на землю, припав к траве. Наступила полночь, и начался переход. Никто из них не мог этого сдержать. К упавшей Тане, извиваясь, стали подползать вьющиеся побеги, захватывая ее в ловушку, готовясь затащить в темные глубины царства фейри. Выхватив нож, ее спутница принялась резать и кромсать надвигающиеся стебли. Но их было чересчур много.

Считанные мгновения — и Таня станет узницей в царстве фейри. Разве только...

Решение было настолько очевидным, что высокая девочка не могла поверить, как это не пришло в голову раньше. Дрожащими окровавленными руками она достала из кармана маленькие серебряные ножницы. Встав на колени рядом с Таней, лежащей без сознания, надавила острием на ее большой палец и держала, пока не проступила темная капелька крови. Затем приложила к ранке свой окровавленный палец и крепко прижала. Таня, почувствовав боль от укола, стала приходить в себя.

— Как я?.. — начала она.

— Возьмите меня, — прошептала вторая девочка, еще крепче прижимая свою руку к Таниной.

Их кровь смешалась, и родственный долг, унаследованный Таней, был разделен.

— Возьмите меня вместо нее, — повторяла вторая. — У нее есть к чему возвращаться, есть жизнь. У меня — нет... Возьмите меня вместо нее.

Побеги, ползущие по Тане, замедлились... а потом изменили направление и устремились ко второй девочке. Она ощутила прохладное, влажное прикосновение темных листьев. Сдерживая порыв пуститься в бегство, она не двигалась, позволяя лесу поглотить себя. Ножницы выпали у нее из руки, наступающая зелень накрыла их, накрыла ее всю. В ушах загудело,

глухое роение в конце концов превратилось в бормочущие голоса.

Она почувствовала, как опутавшие тело стебли тянут и дергают ее то в одну, то в другую сторону — будто кошка играет с пауком в паутине. Голоса стали отчетливее: существа с любопытством переговаривались, ожидая нового прибытия в свой мир. Затем зеленые побеги отступили так же быстро, как перед этим на двигались, оставив ее на земле — сжавшейся в комок и окруженной толпой фейри. Сверкали глаза: одни существа разглядывали ее с любопытством, другие очень пристально — молодые и старые, красивые и уродливые. Она вскочила на ноги и, пронзительно закричав, метнулась вперед. От ее крика больше половины фейри кинулись врассыпную и попрятались, в поредевшей толпе образовались просветы, и, выбрав самый близкий, она рванула туда.

Легкие горели — она все еще не могла отдышаться после того, как вместе с Таней бежала по лесу. Но теперь она была одна, Таня благополучно вернулась в мир людей. За спиной слышались шорох и хлопанье крыльев в воздухе. Она неслась прочь, а ветви тянулись к ней, пытаясь сбить с ног. Уворачиваться получалось труднее с каждым прыжком, усталость сковывала, двигаться становилось все тяжелее.

И тут она увидела это. Дупло в огромном старом дереве — такое большое, что в нем можно было спрятаться. Среди листвы — зеле-

ные ягоды. Она узнала их. Никаким фейри сюда не попасть. Бросив рюкзак в дупло, она забралась туда сама и расправила ветки с ягодами, чтобы лучше замаскировать свое укрытие. Шум погони нарастал, приблизился к ее убежищу, но постепенно стал отдаляться. Все стихло. Ей удалось. Она сбежала.

Измученная, она провалилась в сон. Через несколько часов взошло солнце, но не пробудило ее. Не пошевелилась она и когда снова наступила ночь. Лес вокруг словно баюкал старое дерево и дупло в объятиях листвы.

Она все спала.

1

С тех пор, как фейри украли ее младшего брата, Роуэн Фокс (или Рыжая, как она сейчас себя называла) думала лишь о том, как его вернуть. Это обуревало ее, стало единственной целью, смыслом существования. Полтора года назад их родители погибли, а меньше чем через два месяца Джеймс пропал. При первой же возможности Рыжая сбежала, чтобы разыскать его. Следующие месяцы она жила сама по себе и не допускала сомнений — даже мимолетно! — что не сможет его найти. Ее упорство было вознаграждено. Она совершила прорыв. Настоящий прорыв.

Ей наконец удалось проникнуть в царство фейри.

Когда Рыжая очнулась от похожего на черную пустоту сна, брезжил рассвет. Она лежала, свернувшись калачиком, в дупле старого дерева. Дрожа, раздвинула замерзшей и затекшей рукой спутанные ветки и плети ежевики, скрывающие

ее от леса. Пятнышки утреннего света проникли в дупло, и она увидела шрамы.

На обеих ладонях засохло что-то темное. Запекшаяся кровь. Кожу вдоль и поперек рассекали тонкие порезы. Так много, что не сосчитать. Хотя следы крови еще оставались, раны уже затянулись, превратились в серебристые рубцы. Рыжая вспомнила: она изрезала руки, освобождая связанную Таню.

В пустом животе заурчало. Кроме того, давил полный мочевого пузырь.

Поморщившись, Рыжая выбралась из дупла, отступаясь, отошла от дерева. Ноги сводило и покалывало — она долго лежала, скрючившись в тесноте. Не в силах больше терпеть, быстро и настороженно огляделась, приспустила штаны и присела.

В лесу стояла неестественная тишина. Рыжая привела одежду в порядок и вытащила вещи из дупла. Достала из рюкзака нож, который всегда носила с собой, и вложила в ножны на пояс. Затем сделала несколько шагов назад и посмотрела на дерево. Старый крепкий дуб. Но то ли птицы, то ли кто-то еще, здесь обитавший, занес семена другого растения, которые попали в какую-то трещину в коре, прижились и разрослись прямо на верхушке. Вот почему здесь рдели гроздь красных ягод. Рябина. Роуэн. Ее тезка*,

* Настоящее имя Рыжей — Роуэн. Английское слово *Rowan* переводится как «рябина», а кроме того, это женское и мужское имя.

хотя уже давно никто не называл Рыжую настоящим именем. Теперь другая жизнь. Но потому она и выбрала это дерево. Поверья говорят, что рябина защищает от чар, от злого колдовства ведьм и... от фейри.

Внезапно Рыжую охватила тревога. Когда, вскоре после полуночи, она залезла в дупло, ягоды были твердыми и зелеными. Теперь они красные и мягкие — созрели за ночь? А вдобавок еще и шрамы, в которые превратились порезы на руках. Это сбивало с толку. Сколько же времени прошло?

Рыжая попыталась вспомнить все, что знала о рябине. Ягоды обычно краснеют осенью. Но когда — сразу после полуночи — она забралась в дупло, был разгар лета, июль. Что-то не складывалось. Она слышала, что время в царстве фейри течет по-другому, а значит, если она правильно догадывается, то каким-то образом прошло больше двух месяцев.

Рыжая огляделась. Лес вокруг был недвижим, но она знала: тишина и покой лишь иллюзия. Она не одна. Что-нибудь раньше или позже выдаст свою истинную сущность: проступит на коре дерева лицо или зазвучит навязчивая мелодия, манящая танцевать. Ей было известно об опасностях царства фейри.

Теперь она здесь, и надо быть начеку.

Перед тем как отправиться в путь, следовало еще кое-что сделать. Она вскарабкалась по узловатому стволу дуба, подтянулась и достала

до крепкой рябиновой ветви — чуть тоньше своего запястья, — а затем навалилась всем весом и обломила. Спустившись, подобрала ее с земли — по длине получилось примерно на фут* короче, чем рост Рыжей.

Вынула нож из ножен и, зажав ветку локтем, принялась обстругивать мелкие сучки и отростки. С таким посохом, годным для защиты, можно было трогаться в путь.

Вокруг было тихо и прохладно, по лесной подстилке, по мху, по траве пробегал утренний ветерок, кружился в низком тумане призрачными тенями. Вниз срывались капли росы. Рыжая чувствовала, что одежда пропахла прелой листвой — она долго была в дупле. Этот запах смешивался с запахом пота и крови. От нее отвратительно разило — Рыжая это знала.

Она упорно шла вперед, следуя за солнцем, что поднималось все выше в небе. Немного потеплело, но все же осенняя прохлада не отступала. Рыжая все шла, держа наготове посох, вглядываясь, чутко прислушиваясь к каждому шороху — не преследуют ли ее. Лес проснулся, листья над головой зашелестели от легкого движения. Несколько раз, подняв глаза, Рыжая замечала фейри, смотревших на нее сверху вниз. Иногда их взгляды встречались с ее, и они тут же скрывались из виду. Другие, любопытнее и не такие опасливые, вылезали из потаен-

* Фут — 30,48 см.

ных уголков, чтобы рассмотреть ее поближе, их расцветка, окраска их крыльев сливались с золотистой, рубиновой и бурой листвой.

Спустя какое-то время послышалось приветливое журчание воды. На душе стало легче. Она пошла на звук и вскоре оказалась у бегущего через лес небольшого ручейка.

По течению изредка проплывали опавшие листья. Рыжая опустилась на колени у воды, бережно положив свой посох рядом — вдруг понадобится. Сняла рюкзак, расстегнула молнию одного из отделений. Достала оттуда фляжку и встряхнула: почти пустая — меньше глотка. Отвинтила крышку, выплеснула затхлые остатки в траву и опустила фляжку в ручей. Ледяная, чистая вода побежала по ее руке.

Рыжая наполнила фляжку и перед тем, как положить ее обратно в рюкзак, сделала несколько больших глотков. Затем снова повернулась к ручью и начала смывать запекшуюся кровь с рук, глядя, как исчезают в струящемся потоке темно-красные завитки. Зачерпнув пригоршню воды, плеснула на лицо и шею и стала рассматривать свое отражение. Отражение покачивалось в такт бегу воды, и в какой-то момент Рыжая увидела, что у нее отросли волосы. Наклонившись вперед, она поднесла руку к голове и коснулась коротких, мышиного цвета прядей. Всего несколько дней назад она сама постриглась — совсем коротко, под мальчишку. Несомненно, сейчас волосы стали длиннее. И у кор-

ней были ее натурального рыжего цвета — примерно на полдюйма*. Точно прошло какое-то время.

Внезапно рядом с ее отражением на воде появилось отражение какой-то фигуры. Быстро, как кошка, Рыжая схватила рябиновый посох и развернулась — фигура была уже в нескольких дюймах от нее. Ошеломленная Рыжая отшатнулась, потеряла равновесие и, выронив посох, упала спиной в ручей. С деревьев, тревожно крича, будто предупреждая, взметнулась стая птиц и фейри.

Отплевываясь, она поднялась из холодной воды и краем глаза заметила, что рябиновый посох уплывает вниз по течению — уже не достать.

К ней протянулась шершавая рука, послышался тихий голос:

— Пойдем, дитя...

Лицо говорившей частично скрывал капюшон зеленого плаща. Выбивающиеся из-под него длинные седые волосы рассыпались по плечам. В прядки были вплетены какие-то лоскутки, скрученные обрывки ткани. Из-под капюшона торчал крючковатый нос, с тонкой переносицей, широкий у ноздрей, будто окаймленных розовым. Узкий кривой рот, губы бесцветные, бесцветная и кожа, а вот изнутри рот — становилось видно, когда она говорила, —

* Дюйм — 2,54 см.

был каким-то необычно красным. И засохшие капельки слюны в уголках. Не понять, кто она, феяри или человек.

— Пойдем, — повторила старуха с трудом, будто ей было тяжело произносить слова. Вдруг сгорбилась и ужасно, надрывно закашляла.

Рыжая не двинулась с места. Сердце все еще колотилось от этого внезапного появления. Как ей удалось подойти так бесшумно? Вода струйками стекала с Рыжей, рука сжимала рукоять ножа, готовая выхватить его из-за пояса. По наклону головы она поняла: старая женщина заметила нож. Рыжая чуть дернула рукой, будто собиралась его вытащить. Настороженность не проходила, хотя было неясно, есть ли у старухи дурные намерения или нет. Хотелось, чтобы она ушла, а если для этого следует ее припугнуть — что ж, припугнет.

Старуха отступила, так же бесшумно, как пришла, и стала удаляться, пробираясь между деревьев. Не шевельнувшись, Рыжая наблюдала, как та медленно исчезает из виду. Что-то странное было в ее движениях, но что именно — непонятно. Рыжую передернуло, руки покрылись гусиной кожей. Она сильно проголодалась, а теперь еще и замерзла. Необходимо было найти еду — и как можно скорее.

Подняв рюкзак, она привычно тронула нож в ножнах. Знакомый холод рукояти успокаивал. Закинув рюкзак на плечо, Рыжая отправилась дальше быстрым шагом, чтобы согреться

и обсохнуть. Мокрая одежда прилипала к телу, с волос капала ледяная вода. Продрогшая, она пошла еще быстрее, злясь, что не во что переодеться. Вся ее одежда была на ней.

Пройдя не так далеко, она снова увидела фейри. Ее внимание привлекло едва уловимое шевеление в ветвях над головой. Там пряталось серокожее существо размером с маленького ребенка. Коренастое и округлое, шкура, похожая на слоновью. По бокам куполообразной головы торчали большие уши, как у летучей мыши. Оно смахивало на уродливую каменную гаргулью. На мгновение Рыжая приостановилась, а затем двинулась вперед, не сводя с него глаз. На ее пристальный взгляд существо ответило немигающим взглядом янтарных глаз и припало к ветке, за которую держалось кривыми когтями. С его появлением другие шорохи и перешептывания прекратились. То ли фейри вели себя очень тихо, то ли в этой части леса их было до странного мало.

Осторожно поглядывая на существо над головой, Рыжая ускорила шаг. Тропинку перегораживало упавшее дерево, толщиной ей почти до колена. Вокруг все густо поросло папоротником, громоздился валежник. Тут нужна была осторожность — просто так не перелезть. Рыжая перестала следить за похожим на гаргулью существом и сосредоточилась на том, чтобы перешагнуть через толстенный ствол. Следом произошли сразу две вещи. Первая — сверху

донесся непонятный звук, словно металл лязгнул о металл. Вторая — стоило перенести ногу за дерево, как земля под ней провалилась.

Рыжую резко бросило вперед: размахивая руками, она падала, но левую ногу, все еще оставшуюся за лежащим деревом, крепко прижало к шероховатому стволу. Трещала и рвалась ткань на штанах, кора обдирала кожу по всей голени. Миг — и сквозь ветки и листву Рыжая полетела вниз, в темноту. Земля проглотила ее. Последнее, что она услышала, был пронзительный клекот. И все погрузилось во тьму.

2

Полтора года назад

Прогремел гром, с неба полетели первые капли дождя. Они шлепались на ветровое стекло автомобиля жирными, неряшливыми кляксами, и их со скрипом стирали дворники. Дождь все собирался этим серым январским днем, и наконец-то разразилась гроза.

Погода идеально соответствовала настроению в машине.

Сзади, опустив голову, сидела Роуэн, ее длинные рыжие волосы падали вперед на плечи. Сквозь челку она видела в наружном зеркале лицо отца. Он смотрел на дорогу, но по тому, как были сдвинуты его темные брови, она понимала, что мысли его заняты другим. Он зол. Зол на нее. До сих пор они

ехали в тишине, но Роуэн знала: это скоро закончится. Ждать долго не пришлось.

— Ты наказана. — Голос отца звучал ровно, но жестко. Он старался держать себя в руках.

Она слегка кивнула. На меньшее не стоило и рассчитывать.

— Месяц не будешь выходить из дома, — добавил он.

После этих слов Роуэн вскинула голову.

— Месяц? Но... школьный поход на следующей неделе... Я уже собрала вещи!

— Все отменяется, — сказала мать с переднего сиденья. — Квитанции мы сохранили. Ты не поедешь.

— Но так нельзя! Все ведь спланировано — вы должны меня отпустить!

— «Нельзя», юная леди, — это вести себя, как ты ведешь, — рявкнул отец. — Сегодня мы чуть с ума не сошли из-за тебя!

Роуэн откинула волосы.

— Со мной все было нормально, — пробормотала она, уставившись в отцовский затылок. Безумно хотелось щелкнуть его по плечи, просвечивающей в темных, некогда густых волосах.

— Нормально?! Нормально?! — воскликнула мать. — С тобой могло случиться все что угодно! Нельзя вот так, с бухты-барахты, прогулять школу и уехать в Лондон! О чем ты только думала?!

— Вовсе не с бухты-барахты... — прошептала Роуэн.

«Я заранее готовилась», — договорила она мысленно и задумчиво опустила взгляд на маленький бумажный пакет, зажатый в руке. На нем было написано «Национальная галерея».

— Тебе двенадцать лет, Роуэн, — продолжил отец. — Может, ты думаешь, что уже взрослая, однако ты не настолько взрослая, чтобы отправляться в Лондон одной...

— Не говоря уже о метро! — перебила его мама. — Мне дурно, как только представлю!

Она помассировала висок. Этот жест Роуэн хорошо знала.

— Я ведь уже извинилась, — пробормотала Роуэн. В зеркале она поймала взгляд отца, который быстро снова переключился на дорогу.

— «Извините» — всего лишь слово. Сказать его и действительно сожалеть о сделанном — далеко не одно и то же.

— Я действительно сожалею.

Мама обернулась и внимательно на нее посмотрела.

— Ты не сожалеешь о том, что сделала. Ты сожалеешь, что тебя поймали.

Роуэн ничего не сказала. В какой-то степени это была правда.

— Снова на грани исключения! — продолжала мама. — Три школы за два года. И теперь получаешь последнее предупреждение... — Ее голос дрогнул, и она замолчала.

Роуэн снова опустила голову. Все это она слышала уже не раз.

— Твою одержимость следует пресечь, Роуэн, — сказал отец. — Я не шучу. Больше никаких разговоров о том, что ты видишь всякое... всяких существ... этих... фейри. — Последнее слово он прямо-таки выплюнул, словно не вытерпел его вкус во рту. — Или как там их в наши дни называют. Возможно, мы слишком долго тебе потакали. Время для подобных историй и фантазий прошло. Кончилось!

— Для тебя — может быть, — прошептала Роуэн.

Потупившись, потихоньку залезла в пакет и достала несколько открыток, купленных в галерее. Загляделась на первую. Это было черно-белое фото: девочка, подперев подбородок, невозмутимо смотрит в камеру. А перед ней — на первом плане — танцуют крошечные фигурки. Одна из пяти знаменитых фотографий, сделанных в начале двадцатого века. Подпись мелкими буквами на обороте гласила: «Феи из Коттингли». Роуэн поглощенно перебирала остальные открытки. Акварель цвета сени, изображающая полет крылатых существ над лондонскими Кенсингтонскими садами; женщина в маске из зеленых листьев. Все прекрасны и таинственны. И на обороте каждой открытки кроме подписи значилось название выставки «Фейри: история в искусстве и фотографии».

Роуэн осторожно положила открытки обратно в бумажный пакет. Но все-таки он зашуршал. На переднем сиденье взметнулись

светлые волосы матери — она резко обернулась на звук.

— Что там у тебя?

— Ничего. — Роуэн попыталась запихнуть пакет в рюкзак, но было поздно.

— Дай сюда. Сейчас же!

Роуэн нехотя передала пакет матери. Открытки снова достали из пакета, и наступила тишина — слышно было только урчание двигателя машины, едущей по автостраде М25, как всегда перегруженной. В этот момент Роуэн уловила тихий вздох и впервые за время дороги взглянула на младшего брата, спящего в своем детском кресле. Он засунул большой палец в розовый ротик, по ладонью бежали слюнки. Такой хорошенький, весь в маму: светлые кудри и большие голубые глаза с густыми ресницами. Роуэн невольно поднесла руку к своим рыжим волосам, снова кляня эту буйную копну. Даже внешне она была не похожа на остальных. Даже внешне не вписывалась в свою семью.

Звук раздираемой бумаги вернул ее к реальности.

— Что ты делаешь?! — возмутилась Роуэн, потянувшись вперед.

Мать уже разорвала открытки пополам и готовилась порвать еще.

— Не надо! — закричала Роуэн.

— Тихо! — прошипел отец. — Разбудишь Джеймса!

Но Роуэн видела только руки матери, вцепившиеся в открытки, и ее вдруг перестало заботить, что брат спит. Она была слишком зла.

— Прекрати! — бушевала она. — Прекрати!

К ней присоединились вопли Джеймса — он проснулся. В машине воцарился хаос. Роуэн и родители кричали. Малыш визжал. Роуэн, натягивая ремень безопасности, рвалась к передним сиденьям, пытаясь перехватить руки матери. Та орала, чтобы дочь села на свое место. Снаружи дождь хлестал по ветровому стеклу, и дворники яростно скребли, убирая воду. А потом, осознав безнадежность ситуации, Роуэн сдалась и откинулась на спинку сиденья. Слезы застилали ей глаза. Она заморгала, чтобы их прогнать. Рядом продолжал подвывать Джеймс, она протянула руку и стала нежно гладить зареванное личико. На его щеке виднелось родимое пятно чайного цвета в форме рыбки.

Поборов слезы, Роуэн почувствовала, что в ногах, под сиденьем, что-то шевелится, и взглянула вниз. Ее рюкзак немного приоткрылся, оттуда показались две крошечные блеклые лапки, а за ними и голова похожего на грызуна существа. Оно неодобрительно посмотрело на девочку, а потом выползло из рюкзака, взобралось по ее ноге и два раза куснуло. Роуэн поморщилась и поняла: существо сердится на нее из-за открыток с изо-

бражениями фейри. Хотя, конечно, не настолько, как сердились бы родители, узнав, что не все открытки были куплены. У нее не хватило смелости украсть книгу, посвященную выставке, но открытки маленькие и почти невесомые... В общем-то, все получилось легко — кроме того, что ее отыскиали.

Роуэн проснулась, позавтракала, почистила зубы, затем приняла душ и надела школьную форму. Взяла в кухне со столешницы контейнер с ланчем, поцеловала Джеймса в белокурую макушку — он, перепачканный детским питанием, сидел на своем высоком стульчике. Попрошавшись с матерью, Роуэн вышла из дома и, как обычно, пошла по маленькой улочке.

Только сегодня вместо того, чтобы повернуть в конце улицы налево, к школе, она отправилась направо, к железнодорожной станции. Прежде чем купить билет, быстро переоделась в вокзальном туалете: засунула школьную форму в рюкзак и натянула джинсы и кофту, припрятанные вчера вечером. Мельком глянув в зеркало, убедилась, что без формы выглядит старше своих двенадцати — по крайней мере на четырнадцать.

Потребовалось чуть больше получаса, чтобы добраться до Фенчерч-стрит, потом еще примерно двадцать минут на метро — и она оказалась в центре Лондона. В метро ей совсем не понравилось. Был час пик, и ехать при-

шлось в битком набитом вагоне, уткнувшись носом в чью-то подмышку. Сойдя с поезда, она поспешила на выход, опустив голову и стараясь ни с кем не встречаться взглядом — ни с пассажирами, ни со служащими метро, ни с попрошайками, тянувшими руки к каждому, кто проходил мимо.

Выбравшись на воздух и дойдя до Трафальгарской площади, Роуэн почувствовала себя увереннее. Уворачиваясь от голубей, миновала огромных каменных львов и поднялась по ступенькам в Национальную галерею. Посетителей внутри было полно — легко затеряться среди толп туристов и школьных экскурсий. Роуэн взяла путеводитель по выставке и, не обращая внимания на знаменитые картины — Боттичелли и Ван Гога, — у которых останавливались все, направилась в самые дальние залы, туда, где находилась выставка, ради которой она приехала. Здесь было тихо и малоллюдно.

Роуэн жадно разглядывала изображения, развешанные на стенах, вникая и критически оценивая каждое. Большую часть она отмела сразу — слащавые картинки с красивыми созданиями, гнездящимися в цветах или благоуханно восседающими на мухоморах. С первого взгляда становилось ясно: это не то, что нужно, — так, вычурные грезы. Ее интересовали другие образы. Мрачные существа в масках, скрывающиеся в лесу. Люди, про-

тив своей воли танцующие под колдовскую мелодию. Снова странное существо — одной рукой подманивает к ручью ребенка, а второй удерживает другого малыша под ледяной водой. Эти картины искала Роуэн. Картины, где была показана правда — правда, увиденная такими же, как она сама. Теми, у кого есть второе зрение.

Роуэн оторвалась от своих мыслей и вернулась в реальность. Сейчас в машине было тихо, если не считать слабого хныканья Джеймса. Но кто бы сомневался: как только они приедут домой, родители отправят Джеймса в другую комнату и устроят ей хорошую взбучку. Утешало лишь одно — ей все-таки удалось выполнить задуманное и ее не поймали. То есть поймали, но позже, сразу после того, как она, выйдя из галереи, шла по площади. На плечо легла рука, и, обернувшись, она увидела того, кого меньше всего ожидала, — своего отца. Облегчение на его лице тут же сменилось гневом. Он повертел у нее перед носом рекламным буклетом Национальной галереи, посвященным выставке. И там расписание поездов — почерком Роуэн. В панике она все же сообразила: отец наверняка вытащил буклет из мусора, когда из школы позвонили и сообщили о ее отсутствии.

До сих пор трудно было поверить, что отец ее нашел.

Существо, которое могла видеть только она, пробралось к Джеймсу и уютно устроилось рядышком в детском кресле, тихо и странно мурлыча, будто убаюкивая колыбельной. Роуэн задумалась, слышит ли его брат. Видеть его он точно не видел, однако вроде снова стал задремывать. Роуэн наблюдала, как существо протянуло лапку и отвело золотистую прядь от глаз Джеймса. Малыш легонько улыбнулся во сне, когда усы существа скользнули по его щеке. И в этот самый момент жизнь Роуэн изменилась навсегда. Грузовик с оглушительным скрежетом металла о металл проломил центральный барьер и врезался в их машину.

Потом Роуэн всегда будет помнить эти несколько секунд в ужасающих подробностях. Расколовшееся с грохотом стекло, ледяной ветер и дождь. Треск и хруст автомобиля, смятого громадой грузовика. Беспомощные крики Джеймса, ее крик, когда машина перевернулась на крышу и стала вращаться как волчок. Куски открыток, кружившиеся вокруг ее головы, словно порванные крылья фейри.

Роуэн будет помнить, как хотела оградить брата от этого ужаса... и как маленькое уродливое безымянное существо внезапно увеличилось в размерах и, прижавшись к Джеймсу, окутало его пушистым защитным коконом.

В ее памяти останутся мигающие огни и срезанный борт машины; то, как она кричала, когда ее вытаскивали, сломав руку. И ей никогда не забыть то, что будет преследовать ее всегда и мучить больше всего, — полную тишину в передней части искореженной машины.

3

Рыжая пришла в сознание и сразу почувствовала, что во рту земля. С отвращением выплюнув ее, она потрогала раскаляющуюся от боли голову. На виске вспухала шишка. В проникавших сверху тусклых лучах можно было рассмотреть, что тут вокруг.

Она упала в яму — это ясно. Под ней валялись поломанные ветки и корни, похожие на отрубленные конечности. Все тело болело, будто ее избили. Рыжая провела рукой по земляным стенам ямы и судорожно сглотнула. Влажная земля липла к пальцам. Отовсюду торчали корни разной толщины. Собравшись с духом, она встала и подняла глаза, готовая принять то, чего все больше страшилась: яма могла оказаться Катакомбой Висельника, одной из семи глубоких провалов в лесу, имеющих дурную славу. Катакомбы существуют только в мире смертных или есть и в царстве фейри?

Вертевшийся в голове вопрос почти сразу исчез: ветки, которые беспорядочно прикрывали яму, находились не более чем в шести футах над ней.

Сквозь дыру, в которую она провалилась, лился солнечный свет. Нет, это не катакомба. В голове немного прояснилось, и Рыжая стала размышлять логически. Снова проведя руками по земляным стенам, она заметила то, что упустила в первый раз: если не считать корней, стены гладкие, а значит, не сами собой образовались. Яма вырыта с определенной целью.

Это ловушка.

Рыжая села, стараясь успокоиться и не обращать внимания на дрожащие от прилива адреналина руки и ноги. Она попадала в ситуации и похуже и знала, что самое губительное — паниковать. Быстро прикинула размеры ловушки. Диаметр — метра полтора, высота — около трех. Если хорошенько поразмыслить и прикинуть, что тут пригодится, можно выбраться. Рыжая вытащила нож и что есть мочи вонзила в земляную стену. Налегла на рукоять: сидит крепко. Должен выдержать ее вес. С усилием вытащила нож, поднялась и стала искать первую точку опоры.

В темном углу что-то шевельнулось. Рыжая мгновенно замерла. Глупо, но она даже не подумала, что в западне может быть кто-то еще. Напряженно вслушиваясь, шагнула. Кроме шороха под ногами снова какой-то тихий звук. Поску-

ливание. Она медленно опустилась на колени, взяла упавшую сверху длинную тонкую ветку и стала осторожно разгребать и отодвигать листья. Раз, другой, и Рыжая увидела жалкого исхудавшего лисенка — одни ребра и шерсть.

Зверек посмотрел на нее в ответ тусклыми глазами, в которых не было надежды, словно уже сдался и ждал смерти. И, похоже, ждать оставалось недолго. У нее мелькнула мысль о воде в фляжке. Но Рыжая заставила себя забыть жалость и отвела взгляд. Нужно спастись самой. Если лисенок умирает от жажды, значит, он в ловушке уже несколько дней. Ее может постигнуть та же участь.

Вскоре она нашла то, что искала, — толстый корень, выступающий из земляной стены, чуть выше пары футов от дна ямы. Проверила, навалившись всем весом, — держится крепко. Встав на него, стала нащупывать, за что еще можно ухватиться. Ее цепкие пальцы коснулись чего-то холодного и шероховатого: камень, вросший в землю. Ободренная, Рыжая отступила назад. Теперь нужно было воткнуть что-то между корнем и камнем, чтобы получить еще одну точку опоры. Опустившись на четвереньки, она стала шарить вокруг. Идеально годилась бы толстая ветка — палка, которую можно заострить ножом и вбить в стену.

И вот тут Рыжую ждала вторая находка. Роясь в куче сухих листьев, она кое-что нащупала. Еще не видя, она почему-то уже поняла,

что это. Достала, поднесла к свету, и по коже побежали мурашки. Желтая туфелька. Детская... расшитая крошечными цветочками. Должно быть, принадлежала маленькой девочке. Малышка... не больше трех-четырёх лет, попала в эту яму... сидела одна в темноте... Что с ней случилось? Внезапно Рыжей стало страшно. Она вытряхнула из туфельки грязь и какое-то время просто сидела, уставившись на нее. Туфелька явно лежала тут давно. Кожа местами сгнила, но ярлычок внутри подтверждал — это обувь из мира людей. Рыжая вздрогнула и выронила ее. Ее носил ребенок, ребенок с именем и семьей. Чья-то дочь. Может быть, чья-то сестра. Такой же ребенок, как Джеймс.

Рыжая пыталась убедить себя, что, кто бы (или что бы) ни устроил западню, это наверняка было сделано, чтобы добывать еду, ловить диких животных. Ребенок, скорее всего, упал в яму случайно — но тогда, если малышку спасли, почему туфелька осталась здесь?

Встревоженная, Рыжая взглянула на лисенка. Зверек наблюдал за ней пустыми янтарными глазами. Кем бы ни был вырывший ловушку, ему вряд ли понадобится это жалкое существо — кожа да кости. Даже воронам тут нечем поживиться. Хотя Рыжая и решила, что это ее не должно трогать, она просто не могла позволить ему умереть. Медленно подойдя, она опустилась на колени рядом с лисенком. Тот посмотрел на нее снизу вверх, попытался от-